

РОМЭН РОЛЛАН КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Не подлежит сомнению, что Ромэн Роллан представляет собой прекрасное явление в жизни современной Европы.

Хвалы, которые воздает ему Стефан Цвейг в предисловии к предлагаемому изданию его сочинений на русском языке, — весьма близки к истине.

Есть такое понимание добра, среди адептов которого Ромэн Роллан занимает первое место, является достойным учителем, вершиной.

Конечно, существует несколько пониманий добра, практического идеала, положительного полюса, и зачастую люди, разно понимающие это добро, отрицают и ненавидят друг друга.

Ромэн Роллан тоже имеет в современности людей, которые отрицают и ненавидят его. Это полное отрицание и эта ненависть были особенно сильны в эпоху кошмарного военно-патриотического угара.

Однако «идеал» шовинистов, весьма весомый политически, благодаря гигантским темным силам, его поддерживающим, теоретически и морально — жалок и темен. Его последователи делятся на две категории: на сознательных лжецов, проповедывающих в разных вариантах буржуазную мораль, стадность и кровожадный патриотизм, в своих интересах или в интересах покупателей их пера и слова, и на миллионы одураченных — интеллигентов, мещан, крестьян и отчасти даже рабочих.

Ненависть со стороны таких людей не может приниматься всерьез действительными людьми прогресса, к какому бы направлению такие прогрессивные люди ни принадлежали.

По отношению к этим темным силам Ромэн Роллан чист, светел и высок, как снеговая гора по сравнению с зловонным болотом.

Если же взять учителей и адептов едва ли не всех других учений о жизни, то между ними и Ромэном Ролланом не окажется взаимной ненависти, хотя, конечно, имеется немало предметов для спора.

Оставляя в стороне всякие течения общественной и моральной мысли и политического и социального действия, мы остановимся здесь только на взаимоотношениях учения Роллана о жизни и учения коммунистического.

Ромэн Роллан признал и много раз защищал русскую революцию.

В свое время наши эмигранты Бунин и Бальмонт, возмнившие себя правозаступниками разрушенной революцией России, тяжело и злобно напали на Ромэна Роллана за его дружеские чувства к Октябрю и советской власти. Ромэн Роллан ответил этим джентльменам с отменной любезностью, — чего, пожалуй, делать не следовало, — но ответил твердым и довольно правильным разъяснением того, почему ему, как гуманисту, стороннику прогресса, науки и социальных форм жизни, никак нельзя закрыть глаза на то, что революция — если она даже делала те или другие ошибки — в общем является великим благом, а поражение ее было бы огромным несчастьем для всего человечества.

К настоящему изданию сочинений этот французский писатель дал свое предисловие, и, вчитываясь в него, всякий поймет эти живые симпатии Ромэна Роллана к тому, что в Европе называют — иные со страхом и ненавистью, другие с любопытством, третьи с глубоким интересом — надеждой на социалистический эксперимент. Конечно, высказывается Ромэн Роллан осторожно, — многое в практике нашей революции для него неприемлемо; в своем предисловии он как бы обходит острые разногласия. Но, конечно, он совершенно искренне находит в коммунизме много огромных ценностей.

Происходит это, прежде всего, оттого, что Ромэн Роллан весьма объективен. Объективность эта примиряет его со всеми течениями прогрессивной мысли и примиряет, как я уже сказал, все течения прогрессивной мысли с ним.

Каков смысл и каковы корни широкой объективности Ромэна Роллана?

Объективность эта происходит от его благожелательности, от его гуманности, от его терпимости. Он не фанатик, он боится фанатизма, но он весьма тверд, мужествен и даже желчен, когда касается находящегося за границей того, что он считает человечески достойным. Разные «темные мужи» не находят с его стороны пощады в его художественных и публицистических произведениях. Но зато все, что по сю сторону границы, все благожелательное по отношению к развитию человечества — даже когда оно далеко отстоит от собственных воззрений Ромэна

Роллана — может рассчитывать на его понимание, на его уважение.

Нам, представителям подлинной революционной истины, терпимость отнюдь не к лицу, мы не считаем ее за добродетель для себя, но мы не можем не видеть в Роллане этой широты понимания, этого стремления объективно отнестись к нашим аргументам и нашим действиям. В этом смысле мы ценим широту его кругозора и, конечно, предпочитаем ее узколобой одно-сторонности всех и всяких наших противников.

Но благожелательность Ромэна Роллана ко всему прогрессивному есть только один из корней его объективизма. Другим является его восхищение перед всем героическим, перед всяким высоким напряжением сил человеческих, воодушевляемых практическими идеалами в смысле большой, далеко идущей программы. Это восхищение перед великой борьбой, великими целями, великими страданиями, великими достижениями делает Ромэна Роллана поклонником нашей революции и с нашей стороны, конечно, создает обратное течение симпатий к нему.

Из этого, конечно, не следует, что мы вполне согласны с Ромэном Ролланом. Однако — вот мы издаем его сочинения, и это, безусловно, не случайность.

Мы тоже объективны, хотя корни нашей объективности иные, чем у Ромэна Роллана. Мы отнюдь не выдаем себя за людей терпимых, мы очень резко отмежевываем полные истины не только от заблуждений, но и от неполных истин. Все же в наших спорах мы глубоко объективны, и объективность наша вытекает из нашего научного детерминизма. Мы исследуем всякое явление с точки зрения его причин и его исторической неизбежности. Исследовать общественное явление для нас значит установить, почему при данной расстановке классовых сил это явление становится неизбежным. Но этого мало. Мы не только сами объективно и глубоко исследуем общественные явления, что позволяет нам оружие нашей марксистской теории, — мы еще строим и боремся потому, как уже сказано, оцениваем явления. Мы судим все общественные явления. Мы судим и ролландизм. Мы его осуждаем за то, что он — не понимая создавшейся мировой ситуации — не принимает вооруженной борьбы трудящихся масс против эксплуататоров, которых он, однако, — так же, как и мы, — признает врагами подлинного прогресса человечества на земле. Мы находим его гуманизм, несмотря на присущий ему пафос, на всяческую готовность вести мирную борьбу вплоть, может быть, до самопожертвования, — мягким и даже дряблым. Нам приходится бороться с этим гуманиз-

мом в этом направлении; человек, застрявший в ролландизме, должен быть продвинут вперед к коммунизму.

Но значит ли это, что мы отвергаем ролландизм целиком и признаем его безотносительным социальным злом при всех обстоятельствах?

Нет, наши суждения не столь упрощенны, на то мы и диалектики. Мы прекрасно видим, что ролландизм есть продукт распада мелкой буржуазии, в особенности наиболее интеллектуально развитых слоев ее; ролландизм есть процесс результата выделения из мелкобуржуазной интеллигенции наиболее положительных элементов. Он может оказаться для отдельных лиц и групп этапом на пути к коммунизму, он может оказаться, и иногда оказывается уже сейчас, реальным нашим союзником в борьбе против реакции.

Огромная ошибка Ромэна Роллана заключается в том, что он предвосхищает мораль будущего и хочет сделать ее моралью настоящего. Казалось бы, такое предвосхищение есть благо, но на самом деле это есть великая беда. Иногда это может даже стать бессознательным преступлением.

Недавно мы имели в нашей собственной среде человека, во многом весьма напоминающего Ромэна Роллана. Это был писатель, по таланту своему не уступавший своему французскому собрату. Это был правдолюбец, человек чистейшей души и большого гражданского мужества. Это был социалист, мечтавший о гармоничном будущем человечества, — и это был вместе с тем гораздо более решительный теоретически-моральный враг ленинской революции, чем Ромэн Роллан. Я говорю о Владимире Галактионовиче Короленко.

Короленко не захотел уйти от нас к белым. Но, оставаясь среди нас, он не захотел к нам примкнуть. В целом ряде заявлений и в длинном письме он протестовал против революции, клеймил ее за то, что она кровава, насильственна, за то, что на ней нет печати гуманности, любви, терпимости.

В одной статье, которая была ответом на прямые нападения Короленко на нашу революцию и ее деятелей, задевавшие и меня персонально, я старался растолковать ему, что революция есть единственный путь, который действительно может привести к осуществлению того выпрямленного и светлого человечества, о котором он сам всю жизнь мечтал и которому сам служил.

Идеалы-то у нас общие. Мы, конечно, хотим такого человеческого общежития, в котором целиком и полностью будут отсутствовать насилие человека над человеком, всякая борьба, всякое оружие. Мы уничтожим войну, мы уничтожим самое

понятие власти, мы создадим широчайшую арену для мирного социалистического соревнования между собою людей, сплоченных в то же время небывалым еще единством.

Но всего этого нельзя сделать, не пройдя через «красное море», ибо на нашем пути ко всему этому стоят беспощадные и могучие враги.

Я писал тогда: «Подождите, Владимир Галактионович. Вы не хотите пачкать в рабочей грязи и боевой крови ваши сияющие одежды праведника. Ну, что ж — постоите в стороне, подождите, пока мы кончим нашу работу, пока на развалинах старого и на костях погибших врагов и друзей расцветет наш социалистический сад, — тогда мы пригласим вас насладиться его цветами и плодами, и тогда вы, конечно, найдете в себе силу духа не только простить тех, кто был жесток к врагу необходимо — жестокостью и кто вместе с тем жертвовал собой, но и прославите их, как лучших друзей человечества».

Нечто подобное можно сказать и Ромэну Роллану.

Надо различать два коммунизма: коммунизм в движении, коммунизм борющихся, — и коммунизм победивших, коммунизм триумфирующий. Тот коммунизм, к которому мы стремимся, т.-е. законченный коммунистический строй общественной жизни, являет собой картину глубочайшего мира между людьми, никогда до сих пор невиданную гармонию всех их сил. Коммунизм, который живет сейчас, — являет собой картину беспощадной героической борьбы, напряжения и трудного строительства. Тот коммунизм есть цель, — этот коммунизм есть путь, и никак нельзя то, что будет свойственно тому коммунизму, перенести в современный активно борющийся коммунизм, потому что это значило бы парализовать коммунизм борьбы и тем самым навсегда упустить из рук великий грядущий коммунизм мира.

Когда же мы говорим о наших идеалах, мы до такой степени близко подходим к Ромэну Роллану, что легко можем протянуть друг другу руки. Я думаю, что нет ничего неприемлемого для людей, подобных Ромэну Роллану, и в том, что этот великий коммунизм грядущего, согласно нашему учению, даже вовсе не есть идеал, а нечто вытекающее из нашего капитализма и процессов, в нем происходящих, — не субъективное наше «желание», а объективное будущее.

Когда-то Щедрин с грустной усмешкой писал об «Обществе, предвкушающем гармонию будущего». Ну, мы совсем не похожи на членов этого общества. Мы говорим, что эта гармония будущего придет, но мы знаем, что она придет через людей, через нас, через борьбу и жертвы, — или не придет вовсе.

Ромэн Роллан тоже, конечно, не простой мечтатель, не простой вкушатель гармонии будущего. Он тоже готов бороться и зовет бороться, но он хочет уже теперь, в нынешней борьбе, употреблять только то оружие, которое совпадает с моралью будущего: у них — пулеметы, а у нас — проповеди. Люди, подобные толстовцам и ролландистам, уверены в победоносности этого метода. С нашей же точки зрения — это совершенно неверно. Мы очень хорошо знаем, вместе с тем же упомянутым мною Щедриным, что ни один безоружный карась никогда не изобретет и не произнесет такого «волшебного» слова, которое заставило бы щуку отказаться от своей хищной природы. Ошибочно было бы и утверждение, будто бы наш метод, метод великого вооруженного восстания мирового пролетариата и бедноты под руководством его уже доказал свою негодность, все эти рассказы о том, что «взявший меч от меча и погибнет», все эти утверждения, что революции уже бывали и однако оказались бесплодными. Никогда на земле не было еще таких сил, которые есть сейчас. Никогда еще человечество не располагало такими производительными силами, реально обеспечивающими ему всеобщее богатство при правильном их употреблении. Никогда еще имущие не представляли собой такой горсти людей, при том все уменьшающейся. Никогда имущие не имели против себя такого мощного и сплоченного класса, как пролетариат, такого коренного производительного класса, держащего, в сущности, в своих руках самые процессы производства, хотя и не имеющего еще власти над материальным капиталом. Никогда еще человечество не подходило к порогу новой обновленной жизни. Мы впервые у этого порога, и ничто в мире не заставит нас вновь потерять путь и вновь итти блуждать по бесплодным пустыням морализующих проповедей исправления человеческой природы и т. п.

Между тем, поскольку задача нашего времени как можно скорее убедить в первую очередь массы европейского и американского пролетариата, а затем и всю мировую бедноту в необходимости взяться за оружие, — постольку проповеди Толстого и Ромэна Роллана в момент обостренной борьбы могут быть использованы врагами армии света. В этой плоскости между нами не может быть мира, в этой плоскости между нами и пацифистами всегда будет борьба.

Но разве мы боремся только оружием? Маркс говорит, что в течение тех десятков лет борьбы, в которые пролетариат преобразит весь мир, он преобразит вместе с тем и самого себя, морально поднимет себя, превратит каждого пролетария в по-

длинно нового человека—социалиста. Мы не только боремся оружием с врагами, но проделываем гигантскую строительную работу по созданию хозяйственных условий социализма и не менее гигантскую культурную работу по переделке самого человека.

Конечно, мы отнюдь не стремимся к тому, чтобы сейчас воспитывать того гармоничного человека, который будет естественным гражданином социалистического мира. Нам нужны коммунисты в боевом значении этого слова — борцы за социализм и строители социализма. Да. Но уже в работе нашей по выковке борцов есть пункты соприкосновения с Ромэном Ролланом, где он может быть нам полезен, если будет взят нами критически. Мы говорим с ним на родственном языке. Ромэн Роллан — проповедник сильной личности, но личности социальной, готовой даже жертвовать собой ради своих убеждений, личности трудолюбивой, глубоко серьезной, широко охватывающей перспективы жизни современной и исторической, личности, преисполненной горячей любви ко всем мыслям и словам и делам, устремленным к борьбе с социальным злом, — личности, преисполненной глубокого уважения ко всем людям без различия пола и нации, но умеющей крепко презирать эгоизм, тупую узость, ханжество, хищные эксплуататорские инстинкты и т. д. и активно восставать против гнета мрачных сил прошлого, включая сюда и капитализм.

Да, все это симпатично Ромэну Роллану, и ко всему этому он готов примкнуть, а так как Ромэн Роллан крупнейший художник, то, проповедуя идеал такой личности, создавая предварительный тип подобных людей, расценивая различные типы и явления с этой точки зрения, как он это делает в своем знаменитом романе «Жан-Кристоф», он оказывается чрезвычайно полезным для нас.

Мораль, к которой примыкает Ромэн Роллан, будучи взята без всяких слабостей, оказывается попутной нам силой в воспитании борцов и тем более в воспитании строителей. Мы уже сейчас начинаем огромную работу положительного характера, мы уже сейчас начинаем закладывать большие камни фундамента и некоторые устои первого этажа грядущего социализма. Ни на минуту не забывая предстоящих боев, требуя стальной закалки от сознания нового поколения, мы все же очень высоко ставим чуткость, широкое образование, интерес ко всем сторонам культуры. Отсюда любовь к самообразованию и радостное сотрудничество в работе по обновлению быта, — а это все, конечно, приветствует и Ромэн Роллан, к этому он умеет очень и очень сильно звать.

Правда, Ромэн Роллан и в деле подготовки борцов и строителей будет слишком много толковать о гуманности; но присмотримся к тому, что он в этом отношении предлагает в своем предисловии к нынешнему изданию. Он говорит там: «Мы, люди, постоянно вынуждены к борьбе друг с другом. Пусть же, по крайней мере, эта борьба будет честной, без язвительности, без злобствования. Победит не слепец, одержимый бредом, а тот, кто спокойно, пронизательно смотрит в корень вещей, кто мудро судит, кто достаточно высок, чтобы жалеть тех, кого он иногда должен повергнуть в прах, кто, преодолев их сопротивление и разрушив преграды, мешающие человечеству двигаться вперед, протягивает врагу братскую руку».

Читатель видит, что Ромэн Роллан сделал некоторый шаг навстречу нам, какого он до сих пор, пожалуй, нигде еще не делал. Он не только признает, как всегда признавал, что людям приходится бороться друг с другом, но он допускает возможность «повергнуть в прах своего врага», преодолеть его сопротивление, разрушить его, потому что оно является преградой для движения человечества вперед. Все это правильно, и можно поздравить Ромэна Роллана с этим, несомненно, мужественным языком.

Но в чем заключаются его оговорки?

Первое, мы должны быть спокойны и мудры, мы должны понимать наших врагов и даже жалеть их, хотя от этого, по словам самого Ромэна Роллана, наш сокрушительный удар не должен становиться легче. Это — первое требование Ромэна Роллана.

Что же, это в самом деле не плохо. Классовая ненависть к врагу — есть очень большая активная сила, и если бы отказ от нее означал уменьшение энергии нашей борьбы, то мы бы громко воскликнули: да здравствует самая безудержная, самая беспощадная и безграничная ненависть к классовому врагу! — Но если на известной высоте марксистско-ленинского сознания возможна решительная борьба с врагом без ненависти к нему, а с глубоким пониманием его исторической необходимости, то это, конечно, еще лучше. Если бы мы стали рассматривать с высоко социологической точки зрения, виноват ли какой-нибудь белый офицер, который попался в наши руки, — вероятно, мы должны были бы сказать, что вины, в собственном смысле слова, тут нет: разве он виноват, что родился у таких родителей, что определенным образом воспитан и т. д.? С глубоко социологической точки зрения быть аристократом или природным капиталистом не есть вина, как быть пролетарием не есть заслуга, а та же судьба, — человек ведь сам не выбирает

класса, среды, в которой он рождается, а отсюда возникает большинство дальнейших качеств. Если бы даже какой-нибудь пролетарий сбился с пути и оказался в лагере врагов, а какой-нибудь капиталист нашел правильный путь и оказался (как Зингер) в рядах революционеров, то и тут мы могли бы найти те объективные причины, которые привели к этому, и опять-таки социологически не могли бы говорить ни о преступлении, ни о заслуге. Но одно дело понимание социологическое, а другое дело наша активность. Мы отлично понимаем, что враг есть порождение глубоких общественных причин, но это не помешает нам уничтожить его. Другу, учителю, герою, подвижнику нашей борьбы мы тоже можем сказать: «Ты — Ленин, Дзержинский или Фрунзе, — ты, может быть, безымянный рабочий, проявивший чуткость и храбрость на военных и мирных фронтах, — ты не имеешь никакой заслуги в том, что ты есть ты, но мы любим тебя, мы хвалим тебя, потому что этим самым мы подчеркиваем тот великий пример, который ты даешь другим, мы превращаем тебя в образец, мы помогаем тебе, таким образом, в том благотворном действии, которое имеет твоя жизнь, твое дело, твоя смерть».

Такое соединение марксистской объективности, полного детерминизма с революционной активностью есть, в сущности говоря, то, что мы должны требовать от настоящего революционера-марксиста. Таким образом, расхождения с Ромэном Ролланом здесь нет, если только мы заранее и крепко установим, что мы абсолютно не впадаем тем самым в лже-гуманное учение Жорж Занд — «все понять значит все простить». Это на самом деле буддизм, азиатчина. Если все прощать, то нельзя будет ничего исправлять, а тот, кто не исправляет, — попуститель зла, и общество, в котором доминирует такое настроение, страдает квиэтизмом, это настроение слабовольное, лишенное жизненной силы. Для нас познание, даже иногда и теоретическое, жалость к врагу в том смысле, что какие-де жалкие люди, какое это для них коренное, ими самими несознаваемое несчастье, что они родились в хищном лагере, — ни в коем случае не должно являться моментом, уменьшающим нашу энергию. Мы понимаем, что само порождение этих отвратительных типов нашего врага является результатом нынешнего общественного положения, но и это понимание и наша жалость к этим своеобразным жертвам режима (самим хищникам и господам) заставляет нас беспощадно бороться за изменение всей почвы, всех корней общественности, железом и огнем лечить эту позорную болезнь, ибо вне такого лечения нет исцеления.

Вторым обращением к нам со стороны Ромэна Роллана в его предисловии является напоминание о необходимости прощать врагу после победы. Ну, что же, — когда победа наша будет окончательной, когда никто не будет нам опасен, мы, конечно, никого не будем карать. Все наше понимание и вся наша практика наказания, вплоть до высших мер, является не порождением мести, не устарелыми представлениями о каре, а есть необходимый в данных социальных условиях метод борьбы. Мы вовсе не сторонники и з л и ш н е й жестокости, — мы только знаем, что революцию не так-то легко ввести в юридические рамки, мы помним, что «лес рубят, щепки летят», и что эксцессы являются неизбежной «издержкой производства» революции. Но если бы мы могли обойтись без эксцессов, мы, конечно, это сделали бы. До убийства Урицкого Ленин был определенным противником террора и надеялся, что возможно будет провести революцию без массовых жестоких мер. Но когда стало ясно, что враг пускает в ход белый террор, — выбора не было. Красный террор, который, конечно, допускает эксцессы, должен был быть введен в практику, поскольку это было единственной действительной самообороной еще молодой, неокрепшей революции, окруженной неизмеримо превосходящим ее по силе врагом. Что касается прощения, то — не в обиду будь сказано Ромэну Роллану — нам приходится здесь быть до крайности осторожными; пока что опаснее перепростить, чем недопростить. Может быть такой случай, что мы не простим врага, который, будучи прощенным, превратился бы в существо безвредное или даже нашего друга, но в сотнях случаев мы рискуем нашим прощением вернуть силу коварному врагу и пустить змею на свою грудь. Мы это очень часто испытываем. Говорю это не потому, чтобы я был противником отдельных актов прощения врага, а потому, что здесь нам нужно быть крайне предусмотрительными и что люди мягкие сердцем, подобные Ромэну Роллану, должны понять, что при нынешней обстановке они скорее должны удивляться актам нашего прощения, чем недостаточному количеству таких актов.

Тем не менее, как я уже писал после смерти Короленко, нам не нужно бояться, что люди, подобные Ромэну Роллану, разрушат нашу позицию этой проповедью понимания и великодушия по отношению к врагу. В конце концов, эти элементы отнюдь не плохи, они только должны быть введены в определенные рамки. Ведь кроме врага в собственном смысле слова, контрреволюционера, у нас есть другие — полувраги и чуть-чуть не враги. Нам нельзя быть чересчур суровыми к людям споткнувшимся, к лю-

дям захандрившим и т. д. Как часто бывает, — особенно когда дело идет о молодежи, — что мы слишком сурово обрушиваемся на товарища, который, может быть, переживает минутную слабость. Здесь действительное понимание корней такой слабости, здесь готовность простить есть великая сила.

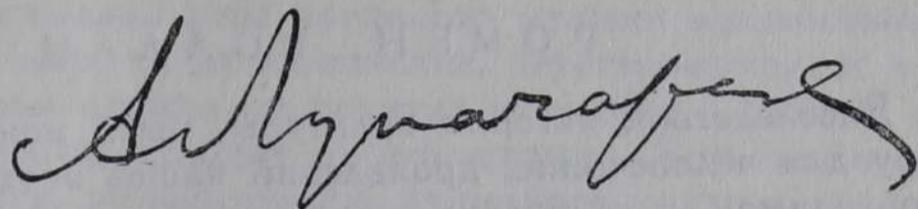
Человек заблуждается, — вы указываете ему на это заблуждение. Если это заблуждение отмечается и суждением партии, — высшего для нас руководителя, — а он, несмотря на это, упорствует в своем заблуждении, — мы никак не можем быть снисходительными и мягкими. Но, с другой стороны, обрушиться на людей, вместо того, чтобы убедить их, еще до того как они обнаружили нежелание считаться с нашими высшими авторитетами, было бы, конечно, нерационально, и руководящие органы нашей партии, например, никогда так не поступают. Равным образом после раскаяния заблуждавшегося встать на позицию мести, на позицию кары во что бы то ни стало, было бы глубочайшей ошибкой. И опять-таки коммунистическая партия и ее высшие органы так не поступают. Внести необходимую твердость и вместе с тем глубокое товарищество в наши отношения не только внутри партии, но и за ее пределами (припомните настояния Ленина: «окружить наших спецов товарищеским отношением») — это важно, и последнему, в пределах обычных житейских взаимоотношений, Ромэн Роллан может, пожалуй, поучить.

Отметим еще одну, новую, для меня по крайней мере, ноту в предисловии Ромэна Роллана к русскому изданию его сочинений. Он довольно резко отмежевывается от аскетизма Толстого, от осуждения Толстым основ европейской культуры, — и это хорошо. Здесь Ромэн Роллан ставит границы между собой и одной из наиболее азиатских черт учения Толстого.

Ромэну Роллану 63 года. Вряд ли мы переубедим его, но мы готовы даже учиться у него некоторым элементам его мирозерцания. Конечно, было бы превосходно, если бы и он у нас кое-чему поучился. Во всяком случае среди его последователей мы наверное найдем таких, которые окажутся доступными нашему воздействию.

Борьба против мещанства есть одна из наших главных задач, в том числе мы должны бороться против самого лучшего мещанства. Но вместе с тем мы должны бороться и за мещанство, за то, чтобы завоевать его и присоединить его к нашему лагерю, и прежде всего здесь приходится бороться за лучшую часть мещанства, а такой опять-таки являются благородные гуманисты типа Ромэна Роллана. Интеллигенция, в частности и эта наибо-

лее ее тонкая и честная часть, вовсе не *quantité négligeable* (величина, которой можно пренебречь), как когда-то говорил Струве, наоборот, она должна быть расцениваема, как очень серьезный и возможный союзник. Для того, чтобы бороться с нею и за нее, надо хорошо ее знать, а к знанию ее прекрасным путем является изучение произведений Ромэна Роллана.

Р. С. Недавно в целом ряде буржуазных газет и журналов Запада была сочувственно напечатана речь Ромэна Роллана по радио, касавшаяся паневропейских планов г. Бриана.

В речи было немало хороших гуманных строк, немало умных оговорок, но отсутствовало главное: осуждение этого вида паневропеизма, как слабо замаскированного милитаристического маневра, и притом откровенно направленного против СССР еще больше, чем против С.-А. С. Ш.

Опубликовывая характерные выдержки из этой речи в журнале «Огонек», я снабдил их жестким комментарием.

Я рад констатировать, что Ромэн Роллан сам понял, как постарались использовать это его выступление наши общие враги.

В журнале «Егоре» он опубликовал громовую статью «Разбойники мира» (*La piraterie de la paix*), где гневно отмежевывается от лицемерных и циничных игроков под пацифизм и собственному своему пацифизму придает яркий воинствующий характер.

Конечно, это не значит, чтобы он занял революционные позиции, но его последняя статья лишней раз доказывает его мужество и прямоту, лишней раз подтверждает, что в его лице мы имеем твердого друга.

Повторяю, я глубоко рад этому, и со мною радуются многие.

